

Софа Вернер

Славгород

Москва · Издательство «Обложка» · 2024

глава первая

Гриша Рыкова привыкла к смерти. Притом ко всякой — насильственной, ритуальной, случайной, непреднамеренной, запланированной и даже массовой. Рыкову пугают только последствия смерти — бессовестно наживающиеся на горе ритуальщики, бабки-плакальщицы, гроб, который должен простоять дома открытым три дня, крест над могилой с самой ужасной фотографией и поминки с пьяными родственниками. Гриша даже могла бы считаться экспертом в смерти, настолько она была к ней близка.

— С тобой что ни день, то убийство. — Карпов виляет между машинами и приветственно поправляет свою патрульную летнюю кепку. На дворе снежно завершается зима. Гриша — растрепанная, в штатском, сердитая и выдернутая из постели раньше времени, в целом выглядит неплохо для пяти часов утра. Жмурики в их глуши действительно редкость. Если мотивы убийцы будут посерьезнее бутылки водки, то можно будет получить премию за его арест.

— Репутация так себе, — недовольно отвечает она и широко зеваает в ладони, а после усиленно трет лицо и снова фокусирует взгляд на Карпове, который уже вовсю заигрывает с ней жабрами. — Воротник поправь.

Он, стыдливо проверяя форму, задерживается за ее спиной и укоряюще смотрит вслед. Рыкова, к большому сожалению, приходится ему удручающе вредной напарницей, точнее — коллегой, с которой они сталкиваются то тут, то там. Номинально напарниками они друг другу являться не могут: их распределили по

разным категориям, и, несмотря на то, что Карпов всего лишь патрульный милиционер, а Рыкова — оперуполномоченная по особо важным делам, он был выше ее и физически, и по правовому статусу. Он и мужчина, и не собака, — дважды выиграл эту жизнь.

Не то чтобы жизнь Петра Карпова как навь слаще, чем жизнь Гриши как хорта, но он, по ее мнению, хотя бы выбрал свою жизнь сам, а не получил обязательство в виде желто-коричневой справки ветеринарно-санитарной экспертизы. Однако, если Гриша и похожа на злую собаку метафорично, то внешний облик Карпова приковывает взгляд буквальными отличиями. Сердце его по-человечески колотится, но под тонкой светлой кожей по синим венам к живым жабрам ползет холодная рыба кровь.

— Петь, ну?

— Не бесись. На. — Он пихает ей в руки протокол и опись места происшествия, не желая услужливо читать все вслух. — Фас.

— Корректнее, конечно, сказать «апорт», — отвечает Гриша, — я же тело должна принести в зубах в морг, а не броситься и разорвать...

— Понятно, почему ты уже год работаешь одна.

А вот Грише непонятно. Она — выдрессированная служебная собака, поводок которой привязали к столбу и бросили. Как по книжкам Павлова, образцовая: невысокого роста, крепкого телосложения, челюсть развитая, все сорок два зуба на месте, хватка сильная, уровень послушания по шкале Брюхоненко — 98. У нее и в дипломе среднего специального образования указано «служебный хорт класса А», и в трудовом договоре написано «требуется работа в паре с человеком или иными видами по согласованию». И даже старая поговорка гласит: «Одиночество в работе порождает безответственность». И, мол, «хорошо бы поводку оста-

ваться в руках», но сработаться с Гришей после смерти незаменимого напарника не удалось никому.

Он сделал с ней то, чего делать не мог по закону, — заставил поверить, что она сама по себе почти что равная ему, настоящему человеку. Молодого Анвара Сулейманова еще в юности, младшим лейтенантом, прислали сюда служить, потому что было не жалко — в родном ауле не осталось даже дальних родственников, а в Славгороде его доблесть и честь были нужнее — здесь, как и в других северных городах, можно было и пригодиться, и подзаработать денег.

Чтобы добраться до него хотя бы из Москвы, потребуется два самолета, поезд и еще минут сорок на машине-буханке. Потом пройти долгую проверку и осмотр на КПП, подписать кипу бумаг, дать подписку о неразглашении, и тогда, может быть, смурной пограничник откроет двери города перед приезжим, впуская в устоявшуюся жизнь автономного города закрытого типа свежую кровь.

Грише повезло — она здесь родилась, и высываться отсюда не имеет права. Каждый рожденный в городе гибрид должен был выполнять гражданские обязанности, блюсти местный закон и выживать любыми доступными способами. К новой реальности Анвар адаптировался не быстро, но к своим сорока годам уже был почетным майором славгородской милиции, который принял шестнадцатилетнюю щенка-Гришу как напарницу.

Они вроде как сильно сдружились, и он разрешил ей не слушаться и даже не носить ошейник, или что там они носят? И еще они друг за друга стояли горой, как настоящая семья. Это все, что Карпов о них знал. С тех пор как Анвара застрелили прямо на задании, никто в милиции, помимо памятных дней, о нем не говорил. И Гриша тоже.

Рыкова поднимает голову, но на лицо доктора взглянуть не решается. Ей уже доставило особое удовольствие знакомство с медсестрой, поэтому синдром белого халата захватывает ее теперь полностью. Все, о чем она думает — лишь бы поскорее отсюда убраться. Ответить на пару вопросов и удрать. Но врач настойчиво протягивает руку для знакомства, словно Гриша мужчина, и не просто мужчина, а какой-то важный чиновник. Нехотя, она все же принимает жест уважения и крепко, несмотря на тошноту от сильных запахов, пожимает длинные пальцы (с надеждой, что руки вымыты).

— Жалобы есть?

— Никак нет.

Медсестра под маской тихо хихикает над солдафонским тоном Рыковой. Она, стройная и в меру общительная красотка, вполне имеет право посмеиваться над несуразной, крепкой и выглядящей старше своих лет милиционершей. Гриша осознает себя в каком-то уничижительном положении и смущается еще сильнее, только крепче стискивая ноги. Чтобы как-то отвлечься, она принимается разглядывать плакат за спиной врача о важности предупреждения суицидальных наклонностей. Визит к психотерапевту обязателен для Рыковой из-за того, через что ей приходится проходить. Как и сказал Карпов, она сама не своя.

— Табельное оружие сейчас носите?

— Никогда не носила. — Гриша берет паузу, реагируя на удивление мужчины напротив. Впервые она обращает внимание на смоляные черные волосы, клювовидный нос и глубокие темные глаза. Вирия. Их сложно заметить по запаху, но яркая внешность не оставляет ни единого сомнения. Гриша не удивлена: в крыле для гибридов не стали бы работать люди. Здесь всякое случается. — Хортам иногда положены только шокеры и дубинки. Мне нет.

— Каменный век, — не стесняется Харитонов А. Г., как указано на его бейджике. Александр Геннадьевич? Алексей Георгиевич? Андрей Герасимович? Не так уж и важно: Грише неинтересно знакомиться.

— Давайте к делу. Где расписаться?

— К какому? Вы торопитесь? — Он изумляется и откидывается спиной на стул. Мозгоправы реагируют на каждое подозрительное слово. Гришу охватывает страх, что она застрянет здесь надолго.

— Альберт Германович, — подает голос медсестра, — тут перечеркнуто.

Гриша нервно смеется не то над именем врача, такого типично вороньего, что даже не удивительно, не то над пометкой, которую сделала больница в ее карте. Перечеркнуто — как вся последующая Гришина судьба.

глава третья

Мальва Карпова была осуждена по всей строгости, и суд этот прошел показательно. Сама Гриша на нем не присутствовала — мысленно, по крайней мере. Ее тело уже около месяца тогда жило само по себе: она ела, спала, ходила на работу, оплачивала по квитанциям свои задолженности, а потом повторяла по кругу каждое из этих действий автоматически. Ожидать смерти тяжело и скучно, но развлечения она себе не нашла.

Пете было по-настоящему больно. Раньше Гриша хотела бы утешить его, лишь бы самой почувствовать себя лучше. Сейчас подходить к нему ей не хотелось, и уж тем более не хотелось встречаться с Мальвой взглядом. Пусть внимание Гриши было обращено в слух, а веки прикрыты, она знала, что ледяные голубые глаза пробуривали ее заклятой вражеской ненавистью насквозь.

с утра еще не бьет в голову похмелье. Придя сегодня домой, он вернется к особому славгородскому кодексу, выискивая несправедливость и причину, почему именно тридцать пять лет и ни годом больше. Он вспомнит изношенный, уставший Гришин взгляд и подумает: может, она действительно успела сделать все, что хотела? И больше ей не о чем мечтать?

— Я пропишу вам снотворное — оно поможет держать режим сна в норме.

— Нет нужды. — Гриша пожимает плечами. — Я сплю как убитая.

Альберт хотел бы нервно рассмеяться, но ком в горле мешает дышать. Он только недавно перевелся из института сюда: там они ставили опыты, наблюдали, делали выводы и помогали кому-то психически выдвигать — и никогда лицом к лицу не сталкивались с такими, как Гриша.

С теми, у кого в бланке «Эвтаназия» — и рядом галочка.

глава пятая

Гриша родилась в Славгороде. Все гибриды родились в Славгороде — другого им не дано. Правительство держит в секрете само их существование и давно уже позабыло, какую пользу можно было отсюда извлечь. Предки нынешних жителей города сформировали определенную экосистему, в которой существовали друг с другом, и передали ее своим детям, а те — своим. Когда же дело дошло до Гриши, она твердо решила, что не будет обречать еще кого-нибудь на существование в этом городе. Хотя сам Славгород она по-своему любила. Здесь для нее прописаны правила.

Грише сложно описать все прелести своей малой родины, но их не так уж и много. Город населен густо, и потому так тщательно контролируется прирост населения. Там, где убудет, — обязательно прибудет, и наоборот. Пускают сюда не всякого, и, если по-честному, совсем никого не выпускают. Конечно, всякое правило можно нарушить — процветает контрабанда, нелегальный вывоз, так или иначе прорывается граница. Стены автобусных остановок расклеены и расписаны буквами РЁВ — названием революционного молодежного движения. Им свойственны громкие лозунги: «Свободу гибридам! Правду миру! Хватит сидеть в клетке!» — их Гриша не понимает. Но по-милицейски она благодарна всем преступникам города — работа у нее не кончается.

До того, как тут поставили остановку, до конца улицы было только поле. Славгородская степь и до сих пор беспощадна к любому беглецу. Даже если удастся перепрыгнуть через забор, обвести вокруг пальца пограничников, подкупить мясом охранных собак — далеко не убежишь. Барнаул в трех часах езды с большой скоростью, а других городов рядом и нет. Некоторые части поля заминированы еще со времен Великой Отечественной. Куда ни глянь — выжженная солнцем трава и бескрайнее небо. Грише никогда не хотелось отсюда бежать. Она всегда чувствовала себя на своем месте.

В Славгороде каждому полагалось свое место, потому гордиться тут нечем. Озерцо Топь приютило нав — они расстроились домиками по берегу и могли совмещать свою обычную жизнь с особенной, рыбьей и водной. В историческом центре города, в добротных построенных домах жили вирии, аркуды и керасты — те, кто силой, умом и хитростью смогли отвоевать у людей часть их комфортной жизни. Там, где вечером лучше не ходить в одиночку, — на серой окраине в панельках, разбитых на общежития, жили они — такие

— О нет, — в очередной раз загадочно улыбается Вэл, — я тебе говорю: все кругом нее безынициативны и безопасны. Но вот она...

— Я с ней общалась — безвольный робот, порабощенная ватница. Верит в партию, верит в благо собственной смерти. Даже не понимает, зачем это все придумано и откуда взялись такие правила. Была здесь, в нашем логове, и не удосужилась ничего расспросить. Только плакала и ныла.

Ильяна знает, что Вэл сейчас скажет. У него на все один ответ.

— Вот когда ты малая была — тогда...

— Хватит! — Илья сурово хлопает по столу ладонью и даже не шипит, когда чувствует тяжесть от удара в суставах. — Добрее была, знаю! Я и сейчас добрая — но одной добротой за это все не расплатишься.

Довольный отцовский взгляд мрачнеет. Уж какой он колодец грехов в своем прошлом хранит — одному Гагарину, бороздящему космос, известно. Ему нравится говорить своей приемной дочери: «Вся в меня» — но тогда он подразумевает свою хорошую, осветленную тяготами семейной жизни, сторону. Сейчас она тоже «вся в него» — в того, которого не застала и знает только по слухам.

— Поберегись ее. Оставьте в покое всех, кто с ней связан — и ее саму, — предостерегающе говорит Вэл, инстинктивно касаясь челюсти, которая пострадала от давней встречи с местным КГБ. Сейчас осталась только милиция. — Конечно, куда тебе мои слова. Ты же собралась к ней в гости сегодня.

Ильяна вспыхивает смущением и отворачивается к стене лицом. Там должно быть окно, но они в подвале. Вся жизнь скрываются — сначала нельзя было упоминать семью, с которой живешь; теперь нельзя упоминать и себя саму.

Забылось как-то, что они тоже люди. Может, чуть более дикие, однако живые и настоящие, пока не убьют. И как же Илле, всю жизнь борющейся за свою жизнь, так легко допустить смерть этой Рыковой?

— А знаешь что? — Ильяна упирает руки, пощипывая себя саму за бока. — Ты прав. Не стоит мне с ней возиться. Дела и поважнее есть.

— Да-да, — недоверчиво хмыкает он. — Молодые вы, вот и безмозглые.

Вэл Зильберман, как это иногда бывает, позвякивает своей старой закалкой. Он живет чужой жизнью, давно истратив свою настоящую, данную такими же покорными родителями-хортами, как и Рыкова. Когда-то он тоже стоял перед выбором в свои тридцать пять — и правильно сделал, что выбрал жизнь. Ильяна и представить не может, что было бы с ними, если бы Вэл стал очередным прахом в подвале института Брюхоненко. Сергей Брюхоненко, кстати, делал здесь с ними то же самое, что со своими живыми головами, отделенными от собачьих тел — его тоже заперли здесь за какие-то шпионские взаимодействия с американскими спецслужбами. Потом убили пациенты, обезумевшие — они соглашались на эксперименты ради еды. Да и сейчас эта практика жива, нужно же как-то гибридов до конца изучить.

— Ты невыносимый дед.

— Еще не дед, — стреляет он глазами, поправляя серебристые от седины волосы, — да и не хотелось бы.

У них простой семейный устав: не приводи новую жизнь в мир, пока сам с собой не разберешься. Поэтому вместо обыкновенной женитьбы, рождения детей и продолжения работы на заводе Валерий Серебряков выбрал торговать наркотиками, перестреливаться с плохими парнями и развивать влияние преступного сообщества на жизнь Славгород. Теперь Ильяна вынуждена терпеть нравоучения от просроченного на двадцать лет хорта, который сумел избежать смерти.

опасны, они хорты и они ответственны за подпольное городское снабжение.

В Стае не принято звать друг друга по именам, и все в ней переругиваются кличками. Вожак берет к себе новых щенков только сам, как в приют. Ему нужны обездоленные, но сильные духом. Именно поэтому он придумал такую проверку — сажать на цепь, кормить сырым мясом и ждать, начнет ли кто-нибудь пропажу разыскивать. Если собака не нужная, без хозяев, то завербовать ее в Стаю — раз плюнуть. Вожак плотно укоренился в Славгороде, но только благодаря своим верным псам — которые дохнут, притом регулярно. И по глупости, и по случайности — то заболеют, то подерутся, а Стае слабость нельзя. Какой бы благородной ни казалась цель, мотив к повышению численности всегда прост и жесток.

Утро в милицейском участке началось с беспокойства Пети о Гришиной судьбе, но искать он ее не пошел. Она приучила сама — полезет, значит, получит за вмешательство. Так сошлись все три причины, по которым Гриша должна примкнуть к Стае, — она на пороге смерти, она не нужна и она хорт. Вожак в ней не сомневается.

— Сизый, что там наша принцесса? — подает голос Вожак, когда псы разбредаются по углам, чтобы перехватить бутербродов. Своей общностью они захватили две трехкомнатные квартиры на первом этаже с выходом в подвал и превратили их в одну огромную двухуровневую будку. — Давно ее проверял?

Сизый оборачивается с набитым ртом и пожимает плечами, мол, вроде все нормально было. Вожак поднимается с дивана, скрипя безвкусной кожаной обивкой, и, кашляя, наклоняется к входу в подвал. Чтобы его открыть, нужно сначала отодвинуть ковер, затем с грохотом поднять крышку и спуститься по неболь-

шой стальной лесенке вниз. Пробраться мимо закуток, перешагнуть сломанный телевизор и отпереть дверь в чулан, где и сидят обычно пленники. Вожак добр характером и мягок нравом, но действует по привычке. Если бы Гришка не выдержала свои испытания, он бы вновь ее усыпил и отвез обратно, туда, где взял. Но его собачье чутье редко подводит — обычно отобранные кандидаты оказываются сговорчивыми и полезными.

Когда Вожак отворяет дверь, Гриша прикована к стене за шею цепью. Ему самому нравится метафора этого наказания — он горделиво носит ошейник, не снимая, уже лет двадцать. Мужчина, который входит в помещение, не выглядит злым или главным, и потому Гриша на него даже не смотрит. Невысокий, много места в этом помещении не занимает — больше ничего не почувствуешь, потому что темно. Запах хортковский, и этого достаточно. Хоть бы только в трусы не лез, остальное побоку.

— Мне думалось, ты будешь рвать и метать, как воинствующая валькирия.

— Как кто? — отрешенно переспрашивает Гриша. Ей запрещены многие знания, она же не вирия там какая-нибудь. — Ты кто такой?

Не видно, но слышно, как мужчина усмехается. Гриша подбирает под себя ноги, пусть и выпрямляла их недавно из-за того, что затекли. Не хочет, чтобы ее за них рывком вздернули.

— Не трогай меня.

— Как-то ты сильно переживаешь за свою жизнь. Неужели перехотела подыхать по доброй воле через месяц?

Гриша еще не размышляла об этом и не считала, сколько ей осталось. Но остаток жизни дан ей не затем, чтобы просидеть в подвале. «Долбаный город! Никого здесь нормального нет!» — глубоко внутри себя вопит Гриша. Все преследуют какие-то особые, неведомые

Ильяна трясет Гришу за плечи, пытаясь поднять — все ее тело расслаблено, словно у мертвой. Может, Гриша бы и умерла в этом сне в покое и мире, если бы не эти горящие решимостью глаза в темноте.

глава двадцатая

— Алик, просыпайся, дорогой!

Руки, пахнущие свежеиспеченным хлебом, аккуратно раздвигают плотные бордовые шторы. На тумбочке, украшенной ажурной тканной салфеткой, уже красуется поднос. Все, как предпочитает хозяин: тщательно поджаренные до золотистой корочки половинки круглых булок, в небольшой масленке сладко-сливочный кусок и ломтиками в полсантиметра шириной нарезанный сыр. Не имелось гауды. «Не привезли», накануне извинялась нянечка Ирина, но она взяла на себя смелость купить самый свежий новомодный сметанковый. Такой, мол, даже в Москве подают президенту, заверила ее продавщица. Ирина же все утро хлопочет и волнуется, рассчитывает на благосклонность любимого воспитанника — он кроме гауды редко какой сыр ест.

— Новый день настал, — мелодично, нараспев повторяет она терпеливо, чтобы разбудить, но не разгневать. Харитоновский нрав крут — что у сына, что у отца. — Самое время просыпаться!

Голос у Ирины нежный, родной. Сейчас она бабушка совсем — хоть и милая, и красивая, — но когда-то ей, шестнадцатилетней дурочке, вручили орущий комок, названный Альбертом Германовичем Харитоновым. Так и прошла ее жизнь — в заботе о нем. А он все так же молод и красив, даже не скажешь, что ему через пару лет пятьдесят. Ирина еще не знает, что скоро Харито-

новы попросят ее уйти и наймут помоложе — чтобы у Алика не было ощущения, что всякая жизнь, кроме его собственной и ему подобных, быстротечна; но даже если бы знала — уже не разлюбила бы.

Она наклоняется к нему, убирает отросшие волосы с лица. Альберт стрижет коротко виски, но макушку зачесывает назад, так элегантно видна седина. Серебристость волос у вирий в почете: говорят, каждый волос — это знания, которыми они обладают. Чем раньше поседеешь — тем, значит, умнее.

Альберт поднимается нехотя, потому что допоздна увлекался новым навьим пособием по анатомии. Этих удивительных существ стали допускать к службе и настоящему труду только ради того, чтобы как можно лучше изучить биологические данные. Медицинский осмотр хорошо изученного гибрида, например хорта, длится всего пятнадцать — двадцать минут, а уж осмотр навь, семья которой издавна привыкла прятаться, — час или даже больше. И все можно прикрыть благопристойной причиной — ты совсем не объект исследования, всего лишь должен быть всегда здоров.

Почему же хортам срок — тридцать пять лет? Ответа нет. Мысли постоянно возвращаются к этому. Ешь — думаешь, сидишь — прорабатываешь гипотезу, спишь — раздумываешь над скорейшими исследованиями...

Тапки спасают от холодного паркетного пола, махровый халат заменяет тепло женского тела по утрам. Альберт жует монотонно, никуда не торопится, хотя должен бы. В городской поликлинике все вечно опаздывают, ему лишь приходится соблюдать негласный этикет — чтобы не посчитали выскочкой. Так уж сложилось, что Харитоновы этот город отстроили (отец — великого ума архитектор, мать — декораторка высшего разряда), и потому всегда были богаты, тщеславны и знамениты.

Никто не может их сменить — отцу уже восемьдесят, а его лицо едва осунулось.

Булочка сухая, но Альберт не делает замечаний. Сыр отдает химией, но Альберт его не выплевывает. Сам на себя стал не похож, совсем от рук отбился. Ему на роду написано капризничать, требовать, ожидать лучшего и быть этого достойным. Государственная поликлиника, считает мама, совсем Алика испортила.

— Неужели и сегодня тебе нужно идти на работу? — шокированно охнув, мама прикладывает цепкие белые ногти к выгравированным ярко-красным губам. — Пятый день подряд?

— Конечно, маменька. Мне же нужны деньги на жизнь.

— Ерунда! Мы не оставим тебя на голодном пайке, как оставили нас в девяносто шестом!

Альберт, в выглаженных брюках, рубашке и джемпере сверху, приятно пахнущий остатками роскошных привезенных духов Yves Saint Laurent, так сильно напоминает отца, что мама сразу тянет к нему руку для поцелуев. Альберт покорно прижимает губы к теплой жилистой ладони, будто созданной для того, чтобы помогать своей обладательнице летать. Природа, однако, уберегла вирий от дара крыльев, и потому они здесь, в Славгороде, наряду со всеми остальными — и все же чуточку лучше каждого из них.

Отцовское дело давно погребло. Город не расширяется, дома, построенные на совесть, до сих пор стоят, и новые не требуются. Он, продолжая быть главным градостроителем, иногда закладывает пару-тройку скверов на юге города или придумывает новое укрепление для стены на границе. Именно ему принадлежала идея изолировать город так, чтобы в него нельзя было даже заглянуть. Остальные же деньги — в фондах капитального ремонта, которым управляют уже совсем другие